

Собеседник - 1991 - штоги (28) - с. 12

Константин Райкин — явление настолько неоднозначное, что, беседуя с ним или о нем, автор поневоле чувствует некое раздвоение.

Обе авторские ипостаси — назовем их условно А. (Автор) и Б. (Быков) — восхищаются Райкиным:

А — несколько пугливо и осторожно, Б — как безоговорочный союзник. Райкин, напротив, выглядит на редкость цельно, по ходу разговора множится и все время бегает по комнате...

Б. (перебивая). Константин Райкин — мощный трагический артист романтического плана. Он играл Гамлета, Лоренцо, об этих ролях можно всю жизнь мечтать и не домечтаться...

А. Райкин возглавляет «Сатирикон», который в последние годы существовал довольно тихо, не вызывая ни критических, ни зрительских восторгов...

Б. (перебивая)... пока в сезоне 1990/91-го не выдал две самые мощные театральные сенсации Москвы: «Там же, тогда же» в постановке Леонида Трушкина (это сделано Театр Антона Чехова, приглашенный «Сатириконом» под крышу) и «Служанка» в постановке Винклоя.

Б. ...что они поклялись каждый год в этот же день встречаться в той же гостинице. И встречаются 25 лет, пока он, старенький, седенький, не делает ей предложение. Чем такая история может шандахнуть?

Райкин. И, однако, в самое нетеатральное время (весна — лето, экзамены — огорода) публика едет в самое нетеатральное место (Марьина роща) и до отказа забывает наш зал. И это понятно. Сейчас может иметь бешеный успех простая вещь про жизнь. Про любовь с некоторым даже мелодраматизмом, но сделанная так, чтобы это было по башке. В отношениях мужчины и женщины, кстати, вообще не может быть стабильности. Это, по Солженицыну, как велосипед: пока он едет, он устойчив. Остановился — крышка. У нас не случайно там эпиграф на программке: счастье — не станция назначения, а способ путешествия.

Б. ... — это та ось, по которой человек разлезается почти всегда. Только Бог его от этого сдерживает. И маленьким людям затравленная ненависть ох как присуща — тот же Чаплин, кстати, почти не меняя внешности, сыграл «Месье Вердер» — это где он из маленького человека вырастает в маньяка, грабителя, — и все-таки нет, знаете! Глядя вокруг, я с вами соглашусь: социально униженный, «маленький» тип — самый взрывоопасный. Он все это и устроил (изображает все это). Но я Акакия Акакиевича люблю. И Чаплина люблю. Бывает же такой маленький человек, как в «Огнях большого города» — добрый, нежный, в чем-то жалкий, разумеется, а в чем-то совершенно победительный, — он в конечном итоге всегда побеждает, ничего для этого не делая. Я не знаю, как это доказать, но клянусь вам, это бывает, бывает Чаплин, бывает мой герой из «Там же, тогда же» — другое дело, что они строго говорят, не «маленькие». Они плохо заметные большие. Хотя неудачников я очень не люблю. Они, во-первых, нюют. Во-вторых, злобятся. От них вся злоба на земле.

А. Вы говорили об энергии. Кто из наших политиков, на ваш взгляд, обладает такой

энергетикой, чтобы на него хотелось смотреть?

Б. (ухихая) Жириновский...

Райкин. Да на вас, Жириновский! Это опера. Я, конечно, понимаю, что Гитлер так же начинал, но к нашему народу я хорошо отношусь. Чем смотреть такого артиста, он лучше в театр пойдет. А насчет остальных... Нет, никого не назовешь бы. Я не то что голодая, но испытываю отвращение к пище, которую ем. Это можно распространить практически на всю мою здешнюю жизнь. Другое дело, что в этой асурдной, полубредовой пьесе, которую мы все здесь играем — я все-таки нужен: для меня написана роль. «Костя Райкин». Я говорю — все молчат. Больше так никогда не будет.

Актёрская среда на самом деле характеризуется двумя признаками. Когда тебе плохо, трудно — она добра до самопожертвования, до невероятного великодушия. Но она не прощает успеха — никому. Никакого. Вот Таганка: для множества ее актеров в семидесятые годы было признаком хорошего тона ругать Юрия Петровича. И сейчас, когда следовало бы им совсем от этого отказаться — это стало расхоже, — ничего подобного! Кстати, Высоцкий там пять новых вещей не любил, он ходил в «Современник», а на Таганке на него смотрели совсем не любящими глазами...

А. Несколько личных вопросов. Как на вашу судьбу влияла слава отца?

Райкин. Я никогда не сорвался в артисты. Я в десятом классе в зоопарке работал, мне хотелось биологом быть, но, как выяснилось, звери меня тоже интересовали скорее с эстетической стороны — как они двигаются, как они законченны, хороши... Я просто бежал от актерской профессии, потому что знал: фамилия! Я не представлял, как ей соответствовать. Однажды приходит какая-то приморская журналистка с магнитофоном уже сюда, в «Сатирикон». «Вас хотят услышать тихоокеанские моряки (изображает коряков), вы нас интересуете прежде всего как сын своего отца...» Я довольно печально и сердито сказал, что вот, к сожалению, должен их огорчить — я совсем другое дело, мы с отцом величины несопоставимые... Она, выключая запись: у вас что, настроение плохое? Я: да... Она: надо побороть, повеселей. Ведь вы действительно сын своего отца, что ж тут — против правды-то... Я говорю: хотите правду? На вас абсолютно идиотские серьги. Вы и так-то не красавица, а серьги эти вас совсем портят, достаточно? Теперь у нас обоих плохое настроение, поехали...

А. И вас можно так вывести из себя?

Б. Я думал, вы только сами себя заводите...

Райкин. Ну что вы! Еще как можно. Не дай Бог.

А. А вообще — нужно человеку умение дать в морду?

Райкин. Знаете... боюсь, что да. Но здесь же, сейчас же, в этом времени и в этой стране важно уметь поразить человека не ударом в морду, а добром — такая парадокс. Он тогда будет стоять с открытым ртом и медленно осознавать, что жизнь возможна.

А. и Б. синхронно изображают такого зрильника, после чего сливаются, благодарили и уходят жить дальше.

Дмитрий Быков.

САТИРИК он

ОПЫТ РАЗДВОЕНИЯ ЛИЧНОСТИ
С УЧАСТИЕМ
КОНСТАНТИНА РАЙКИНА

Фото
Валерия
Плотникова.

А. Про «Служанок», конечно, все говорят, что это «ах» и что там такой крутой гомосексуализм, которого не знала русская сцена...

Райкин. А как же! Скандал театру необходим. Я, например, верю только слухам. Если говорят о спектакле — я на него пойду. Что же мне, рецензии, что ли, читать? Да в статьях театральных критиков вообще непонятно, о театре идет речь или о лаборатории неорганической химии (изображает лабораторию неорганической химии). Не понимаю, чем занимается критика и зачем она вообще нужна. Это люди, которые выпендриваются друг перед другом, а зритель им безразличен...

А. (краснел) Что он говорит?

Б. (краснел) Заткнись.

Райкин. Традиционный театр вообще не для нашего времени. Вот привозят с гастролями классные западные режиссеры, показывают блестящие спектакли — зал скучает, одни знатоки блаженствуют. Это театр для сравнительно благополучных людей. А сегодняшнего нашего зрителя, который приходит злой, усталый, тоскующий, — его надо атаковать. Его надо шандахнуть по голове, пусть даже добром шандахнуть, на сцене должно происходить что-то экстраординарное, громкое, яркое, но никак не продолжение жизни...

Б. Но уж «Там же, тогда же» — это такая милая, такая обыкновенная вещь! Сюжет: ему двадцать пять (Konstantin RAYKIN), ей около того же (Татьяна Васильева). Америка, 1956. У него трое детей, у нее двое. Случайно знакомятся в гостинице. Сексуальная совместимость с первого взгляда. Он — маленький, встрепанный, смешной, криклиwyй в лице, но с идеалами: не ляжет в постель с женщиной, не читавшей «Над пропастю во ржи»...

А. Она как раз не читала, но, слава Богу, это выяснилось уже утром, а ночью было так хорошо...

М И Р
У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р

У

М

И

Р